

Зома Байтлер — из Ковно в Иерусалим через Уругвай

В истории латиноамериканского искусства XX века двое евреев, родившихся на территории Литвы, сыграли очень значительную роль. Имя одного из них — уроженца Вильно Лазаря Сегала (1891-1957), более тридцати лет прожившего в Бразилии, — известно достаточно широко; в 1967-м в доме, где он жил в Сан-Паулу, был даже открыт мемориальный музей. О втором — Зоме Байтлере — ценители искусства знают меньше, хотя его вклад в развитие уругвайской живописи весьма значителен.

Зома Байтлер, 1978 г.

Лазарь Сегал попал в Бразилию не сразу: пусть и с перерывами, но годы с 1906-го по 1923-й он провел в Германии, активно участвуя в становлении немецкого экспрессионизма; как следствие его имя фигурирует в трудах, посвященных этому важному направлению в истории европейского искусства. Зома Байтлер же иммигрировал в Уругвай непосредственно из Литвы и вошел в художественную жизнь Европы лишь после Второй мировой, когда золотой век живописи в Старом свете уже заканчивался: все творившие тогда знаменитые художники, будь то Анри Матисс, Пабло Пикассо или Марк Шагал, начали свой путь в искусстве значительно раньше. В силу возраста Зома Байтлер к этой волне принадлежать не мог... В Уругвае он признан классиком, но в других странах его имя пока не обрело той известности, которой заслуживает его творчество. Байтлер родился 3 апреля 1908 года в Ковно (ныне — Каунас) в Российской империи и был младшим из шести детей. Его отец умер от пневмонии еще до рождения мальчика, матери не стало, когда будущему художнику было три месяца. В 1922-1927 гг. он посещал школу при еврейском Обществе ремесленного труда в Каунасе, а рисунку и живописи обучался у художника Пауля Кауфмана.

В возрасте девятнадцати лет Зома Байтлер направился в Буэнос-Айрес, где к тому времени обосновался его старший брат. Оттуда он в августе того же года переехал в Монтевидео. К тому времени период наиболее массовой иммиграции в Уругвай, начавшийся в 1870-е годы и продолжавшийся полвека, уже закончился, но местные уроженцы все еще составляли меньшинство среди жителей столицы; большинство было выходцами из Европы. За два срока правления президента Хосе Батлье-и-Ордоньеса в первые десятилетия XX века был проведен ряд реформ: модернизирована система образования, развернуто строительство учебных заведений, введен восьмичасовой рабочий день, созданы пенсионные программы, отменена смертная казнь, церковь была отделена от государства, утверждено всеобщее избирательное право. Многие годы Зома Байтлер дружил с уроженцем Вильнюса Моисеем Орзуем — одним из редакторов «Folksblat» — первой в Уругвае газеты на идише, вышедшей в 1931-1964 гг. С 1935 года Зома Байтлер стажировался у живописца Хоакина Торреса Гарсиа, а в 1937-м стал редактором художественного журнала «Perseo». Постепенно его искусство обрело признание критиков и ценителей: в 1937 году он получил четвертую, в 1938-м — третью, в 1948, 1949 и 1950 гг. — вторую, а в 1951 г. — первую премию Национального салона изящных искусств. В 1940-м Зома Байтлер получил на этом же салоне специальный приз от Республиканского банка. В 1942 году он выставил свои работы в здании муниципального совета Монтевидео, а в 1944-м ему была присуждена премия на Национальном конкурсе искусств. В том же году Муниципальный музей изящных искусств им. Хуана

Мануэля Бланеса в Монтевидео приобрел несколько его живописных полотен, за которыми в последующие годы последовали и другие.

Картины Зомы Байтлера более сотни раз успешно продавались аукционными домами в разных странах. Одна из самых значительных его работ — «Вид на залив Монтевидео с холма» создана в 1946 году и продана на аукционе «Eugenio Bavastro» 1 августа 1990 г. Это — один из самых лиричных пейзажей, написанных мастером в Уругвае. Картина дышит свежестью морского ветра, овевающего зеленые берега, проносающегося над многолюдным городом, который раскинулся пестрым ковром на горизонте, по другую сторону залива. Шумящие листвою деревья осеняют зеленые холмы перед глазами зрителя. Все это озарено зеленовато-голубым светом надвигающихся сумерек, все здесь — и здания, и природа, и редкие силуэты людей — созерцает краски тишины. У самой воды возвышается каменная церковь, к которой прижимается несколько домиков, а над всем этим — бескрайнее голубое небо с прозрачными, едва заметными розовыми барашками облаков. Вся палитра напоена свежестью и спокойствием: сочная трава покрывает живым ковром глинистые уступы холмов и бежево-лиловые песчаные тропинки, в кронах деревьев шумит листва, коричнево-землистые стены невысоких домов и красные крыши по всей кромке берега тонут в благоуханной зелени цветущих садов, над которыми виднеются розово-серые каменные стены церкви со стройной колокольней и острой лиловой крышей. А позади разливаются светло-голубые, девственно чистые и спокойные воды залива, и то там, то здесь едва виднеются силуэты кораблей, которые кажутся невесомыми песчинками на безупречно чистой и светлой водной глади.

В 1950-е — 1960-е годы живопись Зомы Байтлера получает достаточно широкое признание. Он приглашался в состав жюри различных художественных конкурсов, принимал участие в работе Национальной комиссии по вопросам искусства, занимался преподавательской деятельностью. В 1951-м он принял участие в биенале в Барселоне, в 1954-м — в Эквадоре, в 1958-м — в Венеции. В 1963 году выставка его работ впервые прошла в Нью-Йорке. Этот город с его впечатляющими небоскребами и мостами поразил художника и стал важным источником вдохновения.

Зома Байтлер в той или иной мере знал семь языков: идиш, иврит, польский, немецкий, русский, французский и испанский; неудивительно, что с таким лингвистическим багажом он оказался на дипломатической службе. Однако единственной страной, в которой он работал как дипломат, был Израиль. Еврейское государство он впервые посетил в 1952-м, а спустя одиннадцать лет приехал туда всерьез и надолго. Отработав с 1963 по 1967 год четырехлетнюю каденцию в статусе атташе по вопросам культуры в составе дипмиссии Уругвая, он спустя три года вернулся в Израиль, оставаясь в той же должности с 1970 по 1974 год.

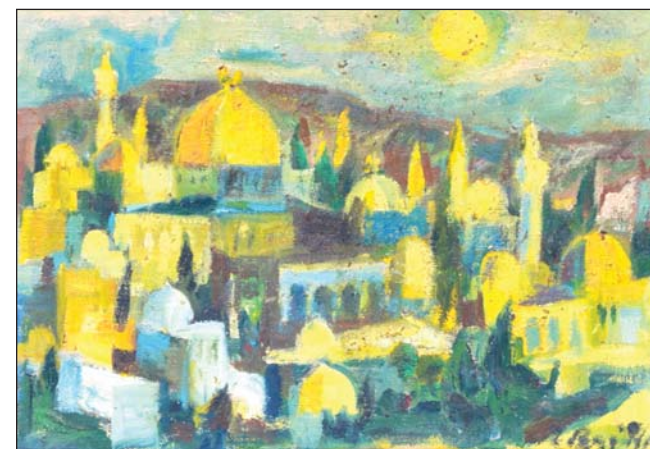
О том, как вдохновляла Зома Байтлера столица Израиля, свидетельствует его работа «Золотой Иерусалим». Вся картина соткана из ярких, насыщенных, светлых и певучих красок — густая зелень выписана сочными мазками богатых изумрудных и ярко-травяных тонов, местами оттеняемая глубокой синевой, стены блистают переливами сапфиров в прохладной тени, отливая блистательным перламутром на солнце, земля, окрашенная в пурпурный багрянец, поднимается до горизонта уступами холмов. И над всем этим пылают золотые купола и башни древнего города, отливающие холодно-лимонными бликами, будто рождающие свой собственный, ничем не приглушаемый свет — настолько яркий и всепроникающий, что, кажется, само небо, отражающее сине-зеленую гармонию земли, отливающее бледной медью облаков,

«Вид на залив Монтевидео с холма»

благоговейно блекнет перед сияющим хором красок Иерусалима, и само светило превращается лишь в далекий желтовато-тусклый отголосок земного видения, и уже непонятно, солнце это или Луна, ведь подлинный свет теперь — здесь, внизу, на земле... Царственный свет блистательной бирюзы, насыщенной яшмы, холодного золота, разбавленного живой зеленью деревьев, лишен мимолетных примесей, случайных оттенков и пятен. Дома, крыши, купола, стены в едином порыве поднимаются и тянутся ввысь, строй-

ные стрелы кипарисов почти возносятся над этим миром, сверкая мириадами красок, будто сойдя с античной мозаики, напоминая торжественные языки священного огня под стенами Храма. И весь город превращается в одно неземное видение, исполненное величия, света и непреходящего блеска, потрясая, завораживая, пленяя зрителя своей духовной мощью и красотой, пронесенной сквозь тысячи лет и мастерски воспеваемой художником.

«Золотой Иерусалим»

Совершенно очевидно, что Зома Байтлер использовал возможности дипломатической службы именно и исключительно для того, чтобы жить и работать в Израиле. Иммигрировать в эту страну, согласно принятому в 1950 году Закону о возвращении, он, конечно, мог в любой момент и наверняка задумывался об этом, однако прожить в Израиле, особенно в те годы, с доходов от продажи картин было едва ли возможно. Эстетические ориентиры доминировавших тогда художников существенно отличались от пути, которым всю жизнь шел Зома Байтлер. Израильских ученых (в особенности гуманитариев и обществоведов) и деятелей культуры очень пугала опасность «местечковости», поэтому с первых дней государственности они стремились ориентироваться на самые актуальные образцы творчества своих американских и (в существенно меньшей степени) западноевропейских коллег. Удивительным для многих образом ничего подобного искусству Марка Шагала, Мане-Каца, Иссахара-Бера Рыбака и других ярко выраженных еврейских художников в Израиле не появилось. Отдельные единичные примеры такого рода (речь может идти об Адольфе Адлере и Моше Бернштейне, занимавших весьма скромное место в музейно-галерейной жизни страны) как раз об этом и свидетельствуют.

Искусство Зомы Байтлера не было столь национально ориентированным, однако оно не соответствовало и канонам обезличенного абстракционизма, которым следовали Иосиф Зарицкий и художники группы «Офаким хадашим» («Новые горизонты»), доминировавшие в то время в художественной жизни Израиля. Зома Байтлер был далек и от принципов социального реализма, которые утверждали Йоханан Симон и другие художники — певцы киббуцных лужаек и столовых. Оставаясь преданным эстетике постимпрессионизма, стремясь запечатлеть на своих полотнах очарование природы и лиричных натюрмортов, Зома Байтлер был обречен на то, чтобы оказаться в Израиле того времени на задворках художественного процесса. Дипломатический же паспорт обеспечивал ему и материальный достаток, и статус в обществе, позволяя при этом сохранять связи с уругвайской художественно-выставочной средой. Эти связи были совсем не лишними, учитывая, что за десятилетия жизни в Уругвае Зома Байтлер заслужил репутацию одного из самых лучших художников в стране. Эта репутация работала на него и в Израиле: в 1963 году его персональная выставка прошла в Израильском музее в Иерусалиме, а в 1974-м — в Тель-Авивском художественном музее.

В 1978 году в Национальном музее изобразительных искусств в Уругвае прошла ретроспективная выставка, на которой были представлены более сотни произведений Зомы Байтлера и к которой был издан монографический альбом на английском и испанском языках. Скончался этот замечательный художник в Монтевидео 26 июня 1994 года.

За прошедшие с тех пор годы его имя не было забыто: к столетию со дня его рождения в Монтевидео была организована представительная выставка его работ. Через свое творчество он вернулся и на родину: во время официального визита в Монтевидео в 2008 году президента Литвы Валдаса Адамкуса президент Уругвая Табаре Васкес преподнес ему в качестве подарка одно из полотен Зомы Байтлера. Сам художник, к сожалению, не дожил до этого дня, но его искусство продолжает жить, связывая между собой Литву, Уругвай, Израиль и Францию — страны, в которых он жил, работал и которые навсегда запечатлелись в его судьбе и творчестве.

Алек Д. Эпштейн и Андрей Кожевников, специально для «Хадашот»